

УДК 27

DOI: 10.25730/VSU.7606.21.044

Христианство в секулярном обществе: перспективы эволюции

О. Н. Демченко

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и иностранных языков,
Заполярный государственный университет им. Н. М. Федоровского.
Россия, г. Норильск. ORCID: 0000-0001-6472-8816. E-mail: demchon@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается современное положение христианской религии в контексте вызовов постиндустриального мира. Сегодня христианские церкви испытывают серьезный кризис, связанный с усиливающимся расхождением религиозных ценностей и запросов секуляризированного общества. В этих условиях перед христианством встают вопросы поиска нового соотношения религиозного и светского в общественной жизни, новых способов повышения адаптационной эффективности.

Целью исследования является анализ и оценка попыток христианских конфессий встроиться в современную культуру. Главное место в работе занимает анализ моделей поведения протестантизма, католицизма и православия в изменяющейся социальной действительности. Особое внимание уделяется либерализации морали, которая раскалывает не только различные христианские конфессии, но и весь христианский мир по нравственным вопросам. Показано, что в христианском сообществе существуют разнонаправленные векторы эволюции, представленные в альтернативных теологических проектах – традиционализме и модернизме. Выясняется, что наиболее радикальные формы пересмотра религиозной традиции имеют место в протестантизме, но они несут угрозу утраты конфессионального самосознания. Католическая церковь испытывает идейный кризис и пока еще не нашла теологический выход из сложившейся ситуации. Православие идет по пути умеренного обновления, сочетающего максимальную открытость проблемам современности и обязательное сохранение верности церковному Преданию.

Отмечается, что поиск путей развития христианства оказывается сопряженным с поиском выхода из современных глобальных кризисов. Делается вывод о том, что перспективы эволюции христианства в значительной степени зависят от поиска способов обновления его приспособительной стратегии, обеспечивающей достижение гибких и оптимальных форм сочетания традиционных и модернистских элементов.

Ключевые слова: христианство, секулярный, модернизм, традиционализм, либерализация морали, протестантизм, католицизм, православие.

В XXI в. христианство столкнулось с новыми вызовами исторической эпохи. Прогрессирующая секуляризация приводит к резкому сокращению числа прихожан и закрытию церквей, падению ее влияния на верующих [1; 13]. Индивидуализация и плюрализация религии размывает содержание христианской веры [12; 17]. Глобализация усиливает конкуренцию между религиями и подрывает исключительность христианского откровения. Набирающая обороты исламизация Европы несет прямую угрозу христианской идентичности. Идейный контекст современной культуры включает различные светские мировоззренческие альтернативы религии, с влиянием которых христианство не может не считаться. Ключевыми точками столкновения христианства и секулярного общества являются: гендерное равенство, женское священство, контрацепция, право женщины на аборт, искусственное оплодотворение (ЭКО), отношение к однополым бракам и сексуальным меньшинствам.

Увеличивается пропасть между христианскими ценностями и либеральными установками постиндустриального общества, прежде всего, в области моральных норм [2; 14; 19]. Возникновение этого конфликта связано с культурной революцией, которая носит антихристианский характер. На протяжении веков христианская религия обосновывала вечные ценности человеческого бытия и задавала средства их достижения. В наше время христианский моральный порядок перестал быть законом для миллионов жителей Запада. Потребительские установки составляют систему жизненных координат нынешних поколений, в которой уже нет места для трансцендентных идеалов. Образ Запада как христианской цивилизации разрушается на глазах [4, с. 32]. Яркой иллюстрацией этого процесса является протестное движение «Черные жизни имеют значение» в США, которое считает традиционное изображение Иисуса Христа проявлением «белого расизма». Об этом свидетельствует возникновение и

распространение в западных странах «гендерной идеологии», согласно которой человек сам выбирает биологический пол, а не имеет его от природы или от Бога. Наступление ультралиберальной идеологии определяет пересмотр традиционных представлений о семье, национальной, религиозной и культурной идентичности, значении религии в жизни общества. Оно порождает не только изменения в законодательстве (например, закон об однополых браках), но и приводит к переформатированию общественного сознания и мировоззренческому расколу общества [11].

Сегодня христианская мысль по-прежнему сталкивается с главным вопросом: как совместить необходимость сохранения религиозной традиции и включение христианства в систему современной культуры. С одной стороны, сущность христианства трансцендентна любой культуре. С другой стороны, христианство глубоко укоренено в истории. Церковь обязана осуществлять свое призвание – строить христианское общество посредством пастырского и социального служения. Конфликт между универсальным характером вероучения и требованием его связи с определенной культурой составляет внутренне присущее христианской религии противоречие. Поиск способов его разрешения порождает альтернативные теологические проекты.

Религиозный модернизм считает, что изменение христианской традиции возможно и необходимо, для того чтобы найти способ существования в современной действительности. Он черпает свои силы в противостоянии всякой ортодоксии и охранительным тенденциям. В этом случае опасность состоит в переходе той черты в ходе реформирования христианства, которая приводит к разрушению его догматических основ, его самоидентичности.

В свою очередь, религиозный традиционализм настаивает на верности христианской традиции, для которой секулярный мир представляет угрозу. Его представители выступают за восстановление исконных начал веры, доказывают вред светских идеологий, нередко отвержены политическим и культурным моделям прошлого. В своих крайних формах религиозный традиционализм смыкается с фундаментализмом, который не принимает резких социальных перемен. Опасность заключается в превращении христианства в маргинальную религию ввиду утраты связи с процессами развития общества.

Среди христианских конфессий наиболее активно по пути обновления идет протестантизм. В различных версиях радикального протестантского модернизма («теология смерти Бога» Т. Альтицера, «секулярная теология» Х. Кокса, «теология надежды» Ю. Мольтмана, «теология революции» Р. Шолла и другие) обосновывается необходимость освобождения от идеи потустороннего, абстрактного и умозрительного Бога и обращения к поиску и обнаружению посюстороннего «присутствия в мире» вечно живого Христа. Сторонники модернизма делают упор на открытости христианства земному миру, его обращенности к реальным проблемам человека. Их анализ проводится на языке библейских понятий, а практическое участие в борьбе против зла и несправедливости в мире провозглашается соответствующим подлинным социально-нравственным установкам Евангелия. Однако в конечном счете вместо спасения христианства протестантский теологический модернизм привел к политизации и этизации религии, разрушению христианского эксклюзивизма и нивелированию христианской веры [3, с. 94].

В конце XX – начале XXI вв. в качестве реакции на модернизм и светские формы изменения культуры в протестантизме происходит усиление фундаментализма. Теоретическую платформу фундаментализма составляют идеи религиозной исключительности и монополизации истины, буквалистского понимания Библии, дуалистического миропонимания (битва Бога и дьявола в истории), радикального отрицания разделения сакрального и мирского, неприятие принципов гуманизма и демократии. Средством преодоления кризиса цивилизации объявляется масштабная евангелизация жизни. Протестантский фундаментализм пустил глубокие корни в США, где широко представлен евангелическими движениями («Моральное большинство» Дж. Фолуэла, «Христианская коалиция» П. Робертсона, «Совет исследования семьи» и другие), оказывающими огромное влияние на политические процессы.

В последние десятилетия происходит значительный рост протестантских объединений. Глобализация оказалась выгодна протестантизму, так как предложила инструменты, которые обеспечили расширение сферы его влияния в мире. Взяв на вооружение сетевую форму организации религии и применяя новейшие информационные технологии, евангелические и харизматические мегацеркви (в первую очередь, пятидесятничество) теснят и выдавливают другие религии даже из регионов их традиционного распространения. Протестантское мис-

сионерство является одним из самых эффективных способов глобализации. Проповедники не скрывают, что хотят сделать мир единым, в основе которого должны лежать христианские ценности, демократия и рыночная экономика [18, с. 78]. В этом плане одним из крупных достижений протестантизма можно считать Южную Корею, где большинство населения этой некогда буддистской страны перешло в протестантизм.

В настоящее время в протестантском сообществе существуют серьезные разногласия в понимании приоритетов текущего момента – идти навстречу требованиям общества или придерживаться христианских ценностей. В ситуации выбора между этими альтернативами протестантизм все чаще следует за либеральным общественным мнением, за модой, политической конъюнктурой, стремясь стать удобной и комфортной религией для современного человека, заботящегося о земном, а не о вечном. Так, некоторые протестантские церкви (англиканские, епископальные, лютеранские) уже допускают рукоположение женщин в священнический сан и имеют женщин-епископов, благословляют однополые браки, разрешают лицам нетрадиционной сексуальной ориентации становиться священниками. Это один из многих примеров целенаправленного вытеснения из жизни современного общества христианских норм и замещения их либеральным стандартом. В перспективе это может привести к утрате конфессионального самосознания вплоть до полного его растворения в системе секулярных ценностей.

Обрести место в стремительно трансформирующейся действительности пытается и католицизм. Курс на обновление католицизма провозгласил II Ватиканский собор, который признал кризис церкви, а секулярный мир местом ее свидетельства и деятельности. Решения Собора определили ведущие векторы реформ: «антропологический поворот» в теологии; новую «евхаристическую еkklesiологию»; литургическую реформу (богослужение на национальных языках); новое понимание пастырской роли духовенства, состоящей в служении людям, а не в осуществлении власти; пересмотр статуса мирян и усиление их роли в церковной жизни (концепция «апостолат мирян»); диалог между религиозными традициями; принцип сотрудничества с государством при взаимной независимости и автономии церкви от государства [5].

Вместе с тем II Ватиканский собор не оправдал возложенных на него надежд. Обновление католицизма не привело к остановке процесса расцерковления и дехристианизации общества. Послесоборный этап показывает, что процесс реформирования оказался незавершенным. В период понтификата Папы Иоанна Павла II происходит «замораживание» модернизации католицизма и доктринальное закрепление достигнутых результатов. Консервативный курс продолжил и Папа Бенедикт XVI, для которого плюралистическая трактовка веры оказывается недопустимой, а секулярный «ценностный релятивизм» выступает одной из главных угроз церкви. Подтверждая верность традиционализму, он считает единственной защитой от СПИДа добрачное целомудрие и супружескую верность в браке.

Есть основания полагать, что, столкнувшись с углублением церковного кризиса, нынешний Папа Франциск начал поиск новой модели поведения церкви в современной действительности, которая не предусматривает пересмотр догматических постулатов христианства или их преобразование. Программу перестройки католицизма фундируют идеи возвращения в церковь миссионерского духа и выполнения решений II Ватиканского собора [15, с. 105]. Показательно, что энциклика Папы Франциска «Радость Евангелия» (2013) по смыслу и по духу напоминает решения II Ватиканского собора. Понтифик утверждает необходимость защиты ценности человеческой жизни «в современной экономике отчуждения и неравенства», осуждает «идолопоклонство перед деньгами и большим бизнесом», «тиранию капитализма».

В качестве первоочередной задачи выдвигается создание нового имиджа церкви – милосердной и сострадающей человеку. Ведь «Для Церкви выбор в пользу бедных – в первую очередь, богословская, а не культурная, социологическая, политическая или философская категория. Именно им Бог дарует свое первое милосердие» [11, с. 198]. Франциск личным примером утверждает необходимость соответствия образа жизни духовенства проповеди бедности. Его подход к служению церкви выражает провозглашенную им «революцию нежности» как альтернативу глобальному равнодушию и несправедливости, господствующим в современном мире.

Улучшение образа церкви увязывается с открытым обсуждением ее проблем. Франциск обещает покончить с сексуальным насилием и коррупцией в церкви. В отличие от своих предшественников, он отправляет в отставку и лишает сана епископов виновных в сокрытии или совершении преступлений. Вместе с тем, не отрицая негативных аспектов в жизни церк-

ви, Папа делает упор на демонстрации ее положительных сторон, проповедуя не только словами, но и своими действиями евангельские принципы. Когда Франциск оmyвает ноги заключенным в тюрьме, обнимает и целует больных, он тем самым проповедует исходные христианские ценности – милосердие, смирение, терпимость. Для конструирования и пропаганды нового образа церкви Ватикан активно применяет новейшие компьютерные технологии.

Другой важной задачей выступает изменение церковного управления, так как «чрезмерная централизация не облегчает, а усложняет жизнь Церкви и препятствует миссионерской динамике» [11, с. 53]. Франциск пытается внедрить принцип коллегиальности с целью достижения оптимального баланса между центром и поместными структурами, заявляет о необходимости изменения приходской организации церкви. В конечном счете реформа управления направлена на повышение ответственности духовенства и мирян за миссию церкви в современном обществе.

Еще один приоритетный вектор деятельности католической церкви продиктован назревшей потребностью поиска путей к единству христианских церквей и преодоления их разделения [11, с. 26]. В этом отношении прорывное значение имеет первая в истории встреча глав Ватикана Папы Франциска и Русской православной церкви Патриарха Кирилла в 2016 г. в Гаване. По ее итогам было принято Совместное заявление, в котором выражается единая позиция католицизма и православия на современные проблемы (христианские гонения в странах Ближнего Востока и Северной Африки, распространение секулярной идеологии, социальное служение церкви и другое).

Наиболее острыми для католицизма являются вопросы celibата и расторжения церковного брака. Невозможность вступать в брак удерживает многих потенциальных священников от принятия сана. В этом состоит главная причина кадрового кризиса католической церкви. Ведь за последние 50 лет количество католиков в мире возросло с 500 млн до 1 млрд 250 млн крещеных, а численность приходского духовенства осталась прежней – 433–415 тыс. священников. Что касается вопроса о разводе мирян, то для церкви уже сам развод является грехом, а повторное заключение брака – двойным грехом. Исследования показывают, что в вопросах половой морали католики все меньше придерживаются христианских норм [7; 8]. Даже такие форпосты консервативного католицизма, как Испания и Португалия, сдают свои позиции (узаконивают аборты, разрешают однополые браки и так далее). Ватикан подвергается беспрецедентному давлению со стороны либеральных кругов по вопросу половой морали. Несмотря на это, Синод епископов католической церкви в 2015 г. вновь подтвердил запрет на однополые браки. По сути дела, католическая церковь остается последним защитником традиционных ценностей семьи и брака в западном мире.

Представляется, что перспективы эволюции католицизма определяются способностью Ватикана разработать эффективную кризисную стратегию и консолидировать католическое сообщество, вступить в серьезный диалог с секулярным обществом о поиске нового соотношения либерализма и традиционализма при разработке ответов на глобальные угрозы нашего времени.

Современное православие придерживается позиции умеренного обновления, которая была сформулирована на Поместном соборе Русской православной церкви в 1971 г. Она состоит в признании и допустимости лишь тех изменений, которые не разрушают системные компоненты церковного организма и не отрицают основополагающие доктринальные принципы. Особый акцент православие делает на эволюционном и поэтапном процессе церковных реформ, их обязательном обеспечении санкцией общецерковного собора, осуществлении преобразований исключительно церковными инструментами. В 1961 г. православные церкви объявили о необходимости подготовки Всеправославного собора, на котором должны быть обсуждены вопросы трансформации вероучения и обрядности с учетом требований времени. Однако реализовать это решение до сих пор не удалось.

В догматическом плане осуществление потребности в обновлении усматривается православными мыслителями (митрополит Антоний (Блум), митрополит Иларион (Алфеев), епископ Каллист (Уэр) и другие) не столько в поиске новых методов истолкования вероисповедных положений, сколько в творческом возвращении к святоотеческому духовному наследию, которое признается актуальным в любую эпоху [9, с. 212]. При анализе проблем церковная мысль руководствуется «богословским принципом развития» – признания допустимости изменения в формулировках догматов вероучения при сохранении неприкосновенным их содержания. Сущностной чертой богословского творчества выступает максимальная открытость вызовам современной эпохи при неукоснительном сохранении верности Преданию церкви.

РПЦ считает, что свободное свидетельство и защиту ценностей православной традиции нельзя осуществить без включения церкви в процесс обсуждения и принятия решений по актуальным вопросам современности. В этой связи эпохальным событием для мирового православия следует признать «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000). В этом документе получила обоснование официальная позиция церкви по широкому спектру насущных проблем жизни общества, которым дается духовно-нравственная оценка, укорененная в Священном Писании и Священном Предании. Методологическую основу православного анализа современного мира составляют установки экклесиоцентризма, христоцентризма и провиденциализма. Согласно православному видению исторического процесса, главной причиной общественных конфликтов являются морально-религиозные факторы, а их разрешение возможно лишь на пути духовного совершенствования. Исходным пунктом концепции выступает положение о «массовой апостасии» мира и торжестве идеологии антропоцентризма, которая делает греховного человека центром мироздания, что приводит к росту бездуховности и нравственному распаду общества. Отсюда делается вывод о необходимости новой христианизации общества.

Принципиальной новацией в социальном учении является отказ церкви от византийской традиции сакрализации власти и необходимости дистанцирования от любых государственных структур, политических доктрин и партий. Церковь впервые заявляет о границах лояльности по отношению к государству в случаях, когда власть принуждает верующих к отступлению от веры и совершению греховных деяний. В этой ситуации церковь оставляет за собой право на выражение своей критической позиции различными мирными способами [16, с. 54–55]. Признавая принцип отделения церкви от государства, РПЦ оправдывает свое вмешательство в мирскую жизнь необходимостью достижения исключительно духовных целей, сохранения нравственного здоровья общества. Однако такое понимание социального призвания церкви содержит опасность выхода за рамки решения только духовно-религиозных задач, роста клерикальных тенденций.

Православную доктрину характеризует патриотическая, социальная и гуманистическая направленность. Она выражается в защите общенациональных интересов, традиционных духовно-нравственных ценностей; раскрытии социальной миссии церкви как заботе о наиболее бедных и социально незащищенных слоях общества; призывах к диалогу и сотрудничеству представителей разных мировоззрений на благо общества; осуждении насилия и обосновании миротворчества и так далее. Обоснованная в концепции позиция «критической солидарности» по отношению к государству означает поворот РПЦ от властных институтов к обществу как главному объекту ее социального призвания. Таким образом, социальная концепция православия демонстрирует открытость церкви миру, ее стремление служить в мире и нести свою ответственность за судьбу мира.

В либерализации морали православие видит крайне опасную тенденцию к разрушению христианских нравственных ценностей. Она выражает наступление антирелигиозного, вульгарно-материалистического мировоззрения, которое отвергает нравственный идеал и абсолютизирует ценность индивидуальной свободы [10, с. 11]. Экспансия тотального секуляризма привела к демографическому кризису Европы, угрожает духовной унификацией человечества, порождает радикальный религиозный экстремизм. Выход состоит в сохранении религиозных ценностей как фактора стабильности и жизнеспособности общества, в отказе как от агрессивной секуляризации, так и от воинственного насаждения религии.

Признавая закономерный характер процесса глобализации, православная традиция отвергает попытки навязать западный либеральный стандарт в качестве универсального для всех стран и народов. Подлинным базисом новой мировой идентичности должен стать не набор приходящих индивидуалистических ценностей, а единая для мировых религий система вечных нравственных Абсолютов, общечеловеческих идеалов. Цивилизационный стандарт многополярного мира должен представлять собой органичный сплав ряда универсальных для всех принципов и ценностей национально-культурных традиций. Такого рода складывающаяся глобальная идентичность не разрушает существующие религиозно-культурные и цивилизационные спецификации, но, наоборот, призвана обеспечить их мирное сосуществование и взаимодействие [6].

Вместе с тем дискуссия о будущих ценностных ориентирах человечества не должна превращаться в войну на уничтожение. Православие призывает к совместной работе представителей религиозного и секулярного мировоззрений в деле создания подхода, учитываю-

шего как либеральную точку зрения, так позицию христианской традиции. В целом присущий православию традиционализм и консерватизм доминируют над модернизмом, определяют сложные и достаточно противоречивые формы реализации процесса реформирования церковной жизни в современных условиях.

Нужно подчеркнуть, что перед лицом исторических вызовов православный мир оказался в состоянии раскола. Из-за возникших разногласий в ходе подготовки документов РПЦ, наряду с Антиохийской, Грузинской и Болгарской православными церквями, отказалась участвовать во Всеправославном соборе на Крите в 2016 г. Основным является конфликт между Константинопольским и Московским Патриархатами, претендующими на статус лидера мирового православия. Константинопольская православная церковь – первая по чести в православном мире, а Русская православная церковь – крупнейшая по числу прихожан. Самым болезненным является вопрос о православной диаспоре. Константинополь считает, что имеет эксклюзивное право духовно окормлять православных верующих, которые находятся вдали от своих национальных церквей. Московский Патриархат усматривает в такой позиции проявление «восточного папизма». В 2018 г. Синод РПЦ принял решение о разрыве евхаристического общения с Константинополем в связи с его антиканоническими действиями в Украине.

Таким образом, особенности эволюции современного христианства определяются поиском способов совершенствования адаптационной эффективности в изменяющемся мире. По всей видимости, избегая радикализма, большинство христианских конфессий будет придерживаться позиции взвешенного прагматизма – попытается найти гибкое и мобильное сочетание исторической преемственности с постепенным обновлением форм выражения религиозной веры в современной культуре. В значительной степени от того, сумеет ли христианство в важных для общества делах, в своих привлекательных и убедительных ответах на злободневные проблемы жизни людей раскрыть значимость и смысл религиозных ценностей для современного человека и общества, во многом будет зависеть его дальнейшая эволюция.

Список литературы

1. Андреева Л. А., Смирнов М. Ю., Щербаков В. П. Процесс дехристианизации в Европейском Союзе // Современная Европа. 2018. № 5 (84). С. 120–130.
2. Барышникова В. В. Традиционные религиозные ценности в современных мультикультурных обществах // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. № 4. С. 255–261.
3. Боков Г. Е. Парадоксы «христианского атеизма». Некоторые особенности радикального протестантского теологического модернизма третьей четверти XX века // Религиоведение. 2017. № 4. С. 86–96.
4. Бьюкенен П. Смерть Запада. М. : АСТ, 2003. 444 с.
5. Второй Ватиканский Собор. Конституции. Декреты. Декларации. Брюссель : «Жизнь с Богом», 1992. 573 с.
6. Глобальные вызовы. Религия и секуляризм в современном мире // Всемирный Русский Народный Собор. URL: <https://vrns.ru/news/4178> (дата обращения: 14.08.2020).
7. Данненберг А. Н. Католическая церковь в постиндустриальном мире: тенденции и перспективы // Религиоведение. 2015. № 2. С. 12–22.
8. Журавлев Д. Трансформация гендерного дискурса в современном католицизме // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. Т. 36. № 2. С. 77–104.
9. Иларион, митрополит Волоколамский. Православный взгляд на современные проблемы человечества в XXI веке // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 8–12.
10. Каллист (Уэр), епископ Диоклийский. Православная Церковь. М. : Изд-во ББИ, 2012. 376 с.
11. Лункин Р. Н., Филатов С. Б. Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния // Современная Европа. 2018. № 3 (82). С. 102–114.
12. Папа Римский Франциск. Апостольское обращение «Радость Евангелия» (*Evangelii gaudium*). М. : Изд-во Францисканцев, 2014. 186 с.
13. Степанова Е. А. Постсекулярная религиозность: индивид versus институт // Религиоведение. 2015. № 3. С. 56–64.
14. Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 22–51.
15. Тихомиров А. Д. Кризис религиозности и либерализация половой морали в современной западной цивилизации // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 104–118.
16. Филиппов Б. А. Папа Франциск, II Ватиканский собор и новая модель католической церкви // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской православной церкви. 2016. № 1. С. 102–119.
17. Церковь и мир. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М. : Даниловский благовестник, 2000. 192 с.

18. Beck U. A God of One's Own: Religion's Capacity for Peace and Potential for Violence. Cambridge : Polity Press, 2010. 231 p.
19. Martin D. Pentecostalism: The world their parish. Oxford : Blackwell Publishing Ltd, 2012. 216 p.
20. Halman L., van Ingen E. Secularization and Changing Moral Views. European Trends in Church Attendance and Views on Homosexuality, Divorce, Abortion and Euthanasia // European Sociological Review. 2015. № 31 (5). Pp. 616–627.

Christianity in a Secular Society: Perspectives of Evolution

O. N. Demchenko

PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy,
History and Foreign Languages, N. M. Fedorovsky Polar State University.
Russia, Norilsk. ORCID: 0000-0001-6472-8816. E-mail: demchon@yandex.ru

Abstract. The article examines the current situation of the Christian religion in the context of the challenges of the post-industrial world. Today, Christian churches are experiencing a serious crisis associated with the increasing divergence of religious values and the demands of a secularized society. In these conditions, Christianity faces the questions of finding a new correlation between the religious and the secular in public life, new ways to increase adaptive efficiency.

The purpose of the study is to analyze and evaluate the attempts of Christian denominations to integrate into modern culture. The main place in the work is occupied by the analysis of the behavior patterns of Protestantism, Catholicism and Orthodoxy in the changing social reality. Particular attention is paid to the liberalization of morality, which splits not only various Christian denominations, but also the entire Christian world on moral issues. It is shown that there are multidirectional vectors of evolution in the Christian community, represented in alternative theological projects – traditionalism and modernism. It turns out that the most radical forms of revision of religious tradition take place in Protestantism, but they pose a threat of loss of confessional identity. The Catholic Church is experiencing an ideological crisis and has not yet found a theological way out of this situation. Orthodoxy is following the path of moderate renewal, combining maximum openness to the problems of modernity and the obligatory preservation of fidelity to church Tradition.

It is noted that the search for ways to develop Christianity turns out to be associated with the search for a way out of modern global crises. It is concluded that the prospects for the evolution of Christianity largely depend on the search for ways to update its adaptive strategy, ensuring the achievement of flexible and optimal forms of combining traditional and modernist elements.

Keywords: christianity, secular, modernism, traditionalism, moral liberalization, Protestantism, Catholicism, Orthodoxy.

References

1. Andreeva L. A., Smirnov M. Yu., Shcherbakov V. P. *Process dekhristianizacii v Evropejskom Soyuze* [The process of de-Christianization in the European Union] // *Sovremennaya Evropa – Modern Europe*. 2018. No. 5 (84). Pp. 120–130.
2. Baryshnikova V. V. *Tradicionnye religioznye cennosti v sovremennyh mul'tikul'turnyh obshchestvakh* [Traditional religious values in modern multicultural societies] // *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* – Herald of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2018. Vol. 19. No. 4. Pp. 255–261.
3. Bokov G. E. *Paradoksy "hristianskogo ateizma". Nekotorye osobennosti radikal'nogo protestantskogo teologicheskogo modernizma tret'ej chetverti XX veka* [Paradoxes of "Christian atheism". Some features of Radical Protestant Theological Modernism of the third quarter of the XX century] // *Religiovedenie – Religious studies*. 2017. No. 4. Pp. 86–96.
4. Buchanan P. *Smert' Zapada* [Death of the West]. M. AST. 2003. 444 p.
5. *Vtoroj Vatikanskij Sobor. Konstitucii. Dekrety. Deklaracii* – The Second Vatican Council. Constitution. Decrees. Declarations. Brussels. "Life with God". 1992. 573 p.
6. *Global'nye vyzovy. Religiya i sekulyarizm v sovremennom mire* – Global challenges. Religion and secularism in the modern world // *Russkij Narodnyj Sobor – World Russian People's Council*. Available at: <https://vrns.ru/news/4178> (date accessed: 08/14/2020).
7. Dannenberg A. N. *Katolicheskaya cerkov' v postindustrial'nom mire: tendencii i perspektivy* [The Catholic Church in the post-industrial world: trends and prospects] // *Religiovedenie – Religious Studies*. 2015. No. 2. Pp. 12–22.
8. Zhuravlev D. *Transformaciya gendernogo diskursa v sovremennom katolicizme* [Transformation of gender discourse in modern Catholicism] // *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* – State, religion, church in Russia and abroad. 2018. Vol. 36. No. 2. Pp. 77–104.

9. Hilarion, Metropolitan of Volokolamsk Pravoslavnyj vzglyad na sovremennye problemy chelovechestva v XXI veke [Orthodox view on modern problems of mankind in the XXI century] // *Voprosy filosofii* – Questions of Philosophy. 2017. No. 4. Pp. 8–12.
10. Kallistos (Ware), Bishop of Diocletian Pravoslavnyaya Cerkov' [Orthodox Church]. M. BBI Publishing House. 2012. 376 p.
11. Lunkin R. N., Filatov S. B. Mezkhkonnessional'nye razlichiya v Evrope i novye ideologicheskie protivostoyaniya [Interfaith differences in Europe and new ideological confrontations] // *Sovremennaya Evropa* – Modern Europe. 2018. No. 3 (82). Pp. 102–114.
12. Pope Francis Apostol'skoe obrashchenie "Radost' Evangelii" (*Evangelii gaudium*) [Apostolic address "The Joy of the Gospel"] (Evangelii gaudium)]. M. Franciscan Publishing House. 2014. 186 p.
13. Stepanova E. A. Postsekulyarnaya religioznost': individ versus institut [Postsecular religiosity: individual versus institute] // *Religiovedenie* – Religious studies. 2015. No. 3. Pp. 56–64.
14. Terner B. *Religiya v postsekulyarnom obshchestve* [Religion in a post-secular society] // *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* – State, religion, church in Russia and abroad. 2012. No. 2 (30). Pp. 22–51.
15. Tihomirov A. D. *Krizis religioznosti i liberalizatsiya polovoj morali v sovremennoj zapadnoj civilizatsii* [The crisis of religiosity and the liberalization of sexual morality in modern Western civilization] // *Znanie. Ponimanie. Umenie* – Knowledge. Understanding. Ability. 2016. No. 1. Pp. 104–118.
16. Filippov B. A. *Papa Francisk, II Vatikanskiy sobor i novaya model' katolicheskoy cerkvi* [Pope Francis, the Second Vatican Council and the new model of the Catholic Church] // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy pravoslavnoy cerkvi* – Herald of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 2: History. The history of the Russian Orthodox Church. 2016. No. 1. Pp. 102–119.
17. *Cerkov' i mir. Osnovy social'noy koncepcii Russkoy Pravoslavnoy Cerkvi* – The Church and the World. Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church. M. Danilovsky Evangelist. 2000. 192 p.
18. Beck U. *A God of One's Own: Religion's Capacity for Peace and Potential for Violence*. Cambridge : Polity Press, 2010. 231 p.
19. Martin D. *Pentecostalism: The world their parish*. Oxford : Blackwell Publishing Ltd, 2012. 216 p.
20. Halman L., van Ingen E. *Secularization and Changing Moral Views. European Trends in Church Attendance and Views on Homosexuality, Divorce, Abortion and Euthanasia* // *European Sociological Review*. 2015. № 31 (5). Pp. 616–627.